

БИЛЕТ НА ЗЕМЛЮ ДЛЯ ДВОИХ

и
Наталья Полынная

Наталья Полынная

Билет на Землю для двоих

«Автор»

2026

Полынная Н.

Билет на Землю для двоих / Н. Полынная — «Автор», 2026

Что оставить позади, когда родной мир гаснет, а до Земли добраться можно только последним рейсом? Ная Рейн покидает колонию, где отключаются теплицы и рушится привычная жизнь. На корабле её ждёт второй пассажир — незнакомец, с которым придётся делить тесный отсек, тревогу и путь через космос. Общий билет не гарантирует доверия: впереди сбой маршрута, опасные решения и прошлое, которое не отпускает. «Билет на Землю для двоих» — космическая романтическая фантастика о близости, которая рождается не из громких обещаний, а из честных разговоров, уважения к границам и ответственности за собственный выбор. Героям предстоит понять: поддержать — не значит решать за другого, а доверять можно, даже если страшно. Для тех, кто любит истории о втором шансе и хочет поверить: начать заново можно, не стирая прошлого. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Полынная Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Последний день колонии	6
Два билета на Землю	11
Незнакомцы в одном отсеке	18
Что каждый оставляет позади	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталья Полынная

Билет на Землю для двоих

Билет на Землю для двоих

Наталья Полынная

Последний день колонии

Ная Рейн выдернула из разъёма красный кабель, и над грядкой погасла лампа.

Три ряда молодых побегов исчезли в темноте. На мгновение в стекле теплицы отразилось её лицо: бледное, осунувшееся, с зелёной полосой на щеке от стеллажа. Потом аварийный свет окрасил всё вокруг в тусклый янтарный.

— Северный сектор отключён, — сообщил потолочный динамик. — Жителям сектора надлежит проследовать к посадочному терминалу. Повторяю: северный сектор отключён.

Ная поставила кабель на пол и прислушалась. Теплица отозвалась гулом вентиляции, которая тянула воздух из последних работающих магистралей. В её шуме было что-то усталое, почти человеческое. Словно целая колония вздохнула и не смогла набрать воздух снова.

На Орфее рассвет всегда приходил без солнца. Светлело за плотной пеленой облаков, пропитанных пылью, а в теплицах день начинался с белых ламп. Теперь лампы гасли одна за другой. За стеклом чернели купола жилых блоков. Здесь, внутри, пахло влажной землёй, перегретой пластмассой и горьким озоном.

Ная подняла с пола блокнот и сверила номер грядки с планшетом. Привычное движение успокоило её. Номер, дата, процент всхожести. Пока записи сходились, можно было не думать о том, что завтра не будет ни грядок, ни теплицы, ни самого «завтра».

На стенном экране снова появилось сообщение колониального совета:

«Орфей признан непригодным для постоянного проживания. Из-за повреждения водного контура и отказа атмосферных фильтров безопасное пребывание после окончания эвакуации невозможно. Последний транспортный рейс “Мнемозина” покинет планету сегодня в 18:00».

Ная прочла объявление дважды. Не потому, что не поняла. Просто цифры и слова казались менее окончательными, если смотреть на них дольше.

Внизу экрана шёл список районов, где отключат тепло и подачу кислорода. Жители уже стояли в очередях у посадочного терминала. На дверях теплицы висела старая табличка: «Пожалуйста, не трогайте образцы». На её краю кто-то оставил детскую варежку.

Ная сняла варежку с ручки и положила на стол.

Ей следовало быть там, у терминала. Её эвакуационное удостоверение лежало в кармане куртки, а место в рейсе было подтверждено ещё три дня назад. Но стоило ей представить очередь, чемоданы, плачущих детей и людей, которые не знали, куда деть руки, как она находила новое дело. Проверить температуру хранилища. Перенести датчики. Пересчитать пробирки. Убедиться, что закрыты клапаны.

За эти годы Ная привыкла быть человеком, которому не нужно напоминать о других. В первый год после прибытия на Орфей половина урожая погибла из-за ошибки в составе питательного раствора. Тогда Ная провела двое суток в теплице, спасая оставшиеся ростки, и услышала от руководителя: «На тебя можно положиться». Похвала согрела сильнее, чем одеяло. Она запомнила её не как благодарность, а как инструкцию: если всем тяжело, ты должна понадобиться.

С тех пор она всегда находила того, кого можно было спасти. Теперь, когда спасти требовалось всю колонию, эта привычка превратилась в ловушку.

За дверью глухо ударило. Потом ещё раз. Ная вышла в коридор и увидела, как створка шлюза застряла на полпути. На её пути стояла женщина с двумя детьми и переносной кислородной стойкой. Очередь за ними уже начинала сгущаться.

Мужчина в рабочем комбинезоне упёрся плечом в створку. На рукаве темнело масляное пятно, а на поясе болталась связка инструментов.

— Не давите, — сказал он людям за спиной. — Дайте мне десять секунд.

Он снял защитную панель, просунул руку к приводному механизму и что-то коротко выругался. Створка дрогнула, но не поддавалась.

— Илья, — узнала его Ная.

— Сейчас, — отозвался он, не поднимая головы.

Он подложил металлический клин под направляющую и нажал на рычаг. Шлюз распахнулся. Женщина с детьми прошла первой. Илья придержал створку локтем, пока очередь не миновала коридор, затем собрал рассыпавшиеся инструменты.

Никто не поблагодарил его. Он и не ждал.

— Теплицу тоже отключают? — спросил он, заметив погасшие лампы.

— Северную часть уже.

— Значит, пора.

Он произнёс это без нажима, но Ная услышала: «Пора уходить». Илья работал техником на обслуживании куполов. Они пересекались десятки раз, иногда вместе чинили насосы, иногда обменивались короткими приветствиями. Он умел молчать так, что молчание не требовало от другого ничего доказывать.

— Я ещё не закончила, — сказала Ная.

Илья посмотрел на её планшет, затем на ряды стеллажей.

— Что именно?

У неё нашлось бы много ответов. Тысячи образцов. Архив наблюдений. Коллекция семян, собранная на Земле и выращенная здесь, на планете, где земля была только словом в старых книгах. Десять лет работы. Часть колонии, которую она могла унести с собой, если бы только нашла для этого достаточно рук и времени.

— Всё, — ответила она.

Илья посмотрел на неё без улыбки.

— Тогда не закончишь.

Это прозвучало не жестоко, а точно. Ная опустила глаза на планшет. В списке значились двадцать семь тысяч четыреста восемьдесят шесть образцов. На стене рядом с ней мигал датчик: температура в хранилище медленно поднималась.

— Мне нужен контейнер для ручной кладки, — сказала она. — Ударопрочный. Маленький.

— Есть один в ремонтной секции.

— Поможешь закрепить?

— Да.

Он не спросил, почему она не может справиться сама. Ная вдруг почувствовала облегчение от этого простого «да». Просить оказалось не так трудно, как она ожидала. Труднее было признать, что просьба не делает её менее надёжной.

Они прошли в центральное помещение семенного фонда. Стеллажи поднимались до потолка. На каждом ряду лежали прозрачные кассеты, а в кассетах — пробирки и пакетики с семенами. Овёс, горох, томаты, фасоль, лен, календулы. Земные растения, которые Ная знала не по пейзажам, а по латинским названиям, графикам и крошечным всходам под искусственным светом.

Она начала с самого дальнего стеллажа. Быстро отобрала пробирки с особенно устойчивыми сортами, потом вернулась и добавила ещё одну кассету. Затем ещё две.

— Если взять весь ряд, контейнер не закроется, — заметил Илья.

— Я знаю.

Она переложил образцы, достала новые, сверила метки. Пальцы двигались уверенно, но внутри всё теснилось: каждый отказ казался предательством. У этого сорта была лучшая переносимость холода. Этот однажды пережил заражение грибком. Этот вырастила девочка из

третьего купола, которая называла его «маленькой надеждой» и приходила смотреть на ростки после школы.

Ная прижала ладонь к краю стола.

— Я могу оставить часть в хранилище, — сказала она. — Если аварийный контур продержится, их найдут.

— Кто?

Она хотела ответить: «Кто-нибудь». Но слово вышло бы слишком лёгким для такой тяжести.

Илья не торопил её. Он стоял рядом, не забирая планшет и не решая за неё.

Ная посмотрела на контейнер. В нём помещалось несколько десятков пробирок, не больше. Она выбрала семена пшеницы, фасоли, томата, лука, льна и календулы. Отложила несколько сортов, которые хорошо переносили засуху, и маленькую пробирку с редким земным базиликом. Его листья однажды пахли так ярко, что рабочие из соседнего отсека пришли просто постоять у грядки.

На этом она остановилась.

— Остальное? — спросил Илья.

— Останется.

Он кивнул, будто это было не поражение, а решение.

Ная сняла с полки папки с журналами наблюдений. Некоторые были оцифрованы, другие содержали записи, которые она не успела перенести. Она открыла один блокнот на странице с выцветшей пометкой: «Первое цветение, купол четыре». В углу детским почерком было нарисовано солнце.

Планшет предложил загрузить весь архив в корабельное хранилище. Ная начала перенос, увидела объём данных и остановила процесс. Для полного архива не хватало ни времени, ни пропускной способности.

Она выбрала каталог сортов, таблицы выживаемости и записи о происхождении семян. Скопировала их на тонкую память, которую можно было положить в контейнер. Остальные журналы вернула на полку. Потом закрыла большой архив и вручную внесла в журнал дату отключения теплицы.

«Образцы оставлены в хранилище. Условия сохранения непредсказуемы. При возможности восстановить работу, начать с рядов...»

Она перечислила номера. Не все. Только те, что могла вспомнить без подсказки.

— Ты оставляешь здесь больше, чем берёшь, — сказал Илья.

— Да.

— Тебя это не устраивает.

— Нет.

— Но ты всё равно решила.

Ная посмотрела на него. В его лице не было утешения и не было равнодушия. Только спокойное признание её выбора. Не за неё, не вместо неё.

— Я всё время думала, что если буду достаточно стараться, то смогу забрать всё, — сказала она. — Будто забота означает не отпускать.

Илья поднял контейнер на край стола.

— Иногда забота означает, что ты не тащишь то, что не можешь удержать.

Ная поморщилась.

— Звучит так, будто ты заранее знал, что сказать.

— Нет. Я просто десять лет чиню вещи, которые нельзя починить навсегда.

Он закрепил внутри контейнера мягкие перегородки. Ная положила пробирки одна за другой, проверяя подписи и уплотнители. Несколько раз она хотела добавить ещё одну. Каждый раз закрывала ладонью крышку, делала вдох и оставляла место пустым.

Когда всё было готово, Илья затянул ремни и проверил защёлки. Контейнер оказался лёгким. Ная ожидала, что он будет казаться невесомым по сравнению с тем, что она оставляла, но он оттягивал руку вполне ощутимо.

— Надёжно? — спросила она.

— Если корабль не решит стать камнем, переживёт посадку.

— Обнадёживает.

— Я стараюсь.

Она усмехнулась, и впервые за утро улыбка не показалась ей чем-то неуместным.

В динамике раздался сигнал. Сначала один тон, потом второй, тревожнее.

— Всем жителям Орфея, оставшимся в жилых секторах и технических отсеках, немедленно проследовать к посадочному терминалу. Посадка на рейс «Мнемозина» начнётся через двадцать минут. Повторяю: через двадцать минут.

Илья поднял контейнер и протянул его Нае.

— Ты готова?

Она посмотрела на стеллажи. На тёмные ряды, на этикетки, на капли воды, собравшиеся на стекле. В хранилище оставались тысячи семян и десятки лет человеческой работы. Оставались полные журналы, истории неудачных опытов, фотографии первого урожая. Ная не могла знать, переживёт ли всё это отключение. Не могла обещать возвращение. Не могла исправить планету.

Она могла унести несколько пробирок.

— Да, — сказала она.

Слово прозвучало тихо, но не было похоже на капитуляцию.

Они вышли из теплицы. В коридорах сталолюдно. Люди несли сумки, коробки, пледы и домашние растения в горшках. Кто-то прощался с дверным проёмом, проводя пальцами по косяку. Мальчик прижимал к груди игрушечную модель орбитального корабля. У женщины у окна была пустая переноска; внутри неё лежал свёрнутый шарф.

На посадочном терминале пахло горячими кабелями и мокрой одеждой. Над стойками мигали табло. Ная увидела знакомые лица, но не стала искать среди них кого-то конкретного. Сейчас каждый был занят тем, чтобы удержать собственную жизнь в пределах одной сумки.

Илья отнёс контейнер к стене и помог подняться пожилому мужчине, который уронил трость. Потом проверил замок на аварийном шлюзе, хотя рядом уже стояли два техника. Он делал это так же, как на Орфее: замечал, что может сломаться, и чинил, если ещё оставалась возможность.

— Ты ведь не записан в пассажирский список? — спросила Ная.

— Пока нет.

— Почему?

— Ремонтная команда должна была оставаться до последнего. Проверить отсоединение топливной магистрали и помочь кораблю выйти из дока.

— А потом?

— Потом список меняется.

Он сказал это слишком спокойно. Ная представила, как он остаётся на пустой станции, затягивая последний болт, пока корабль уходит с орбиты. Впервые за много лет она подумала не о том, чем Илья может помочь другим, а о том, что он сам может не успеть.

— Ты должен быть в списке, — сказала она.

— Возможно.

— Это не ответ.

— Ная, сейчас я не могу бросить магистраль.

Она хотела возразить, потребовать, найти начальника смены. Но за стеклом терминала уже двигался посадочный рукав, и красные сигналы на его корпусе мигали чаще.

Объявление о посадке оборвалось посреди слова. Люди замерли. На табло сменились строки. Сотрудница терминала подняла голову и повторила сообщение уже без привычной ровности:

— Внимание. После сверки пассажирских списков на последнем рейсе «Мнемозина» осталось ровно два места.

В очереди стало так тихо, что Ная услышала щелчок защёлки на своём контейнере.

Ровно два места. Для двух людей, которые до этой минуты всё ещё пытались завершить работу, как будто у Орфея оставалось время на ещё одну починку и ещё одну запись.

Илья посмотрел на неё. Ная крепче сжала ручку контейнера. Внутри лежало немного: несколько пробирок, память с частью архива и семена, которые однажды могли прорасти где-то под другим небом. За её спиной оставалась теплица, где она не спасла всё. Перед ней открывался посадочный рукав.

Ная больше не стала искать, что ещё можно унести. Она выбрала главное и позволила остальному остаться там, где оно родилось.

Два билета на Землю

— Документы на проверку, — сказала сотрудница терминала.

Ная поставила контейнер на ленту. За прозрачной крышкой, закреплённые в пеноматериале, лежали пробирки, карта памяти и мешочки с семенами. Контейнер проехал в сканер, и на стенке мигнул жёлтый сигнал.

— Опасный груз? — спросила сотрудница, не отрываясь от экрана.

— Нет. Биологические образцы. Нужен отдельный режим хранения.

— Это мы решим после проверки.

Ная не убрала ладонь с ручки контейнера. За спиной нетерпеливо шевельнулась очередь. Впереди у окна стоял Илья. Его рабочая куртка была раскрыта, на рукаве темнела полоса смазки. Он смотрел не на сотрудницу, а на табло над посадочным рукавом, где отсчитывались минуты до закрытия шлюза.

— Время посадки сокращено до пяти минут, — объявил громкоговоритель. — Пассажирам рейса «Мнемозина» проследовать к проверке документов.

Кто-то в очереди тихо выругался.

На мониторе перед сотрудницей появились две строки. Она сверила их с данными Наи и Ильи, потом подняла на них взгляд.

— Ная Вей. Специалист по семенному фонду. Место подтверждено.

Ная выдохнула не сразу. Словно тело не поверило словам и ждало, что система передумает.

— Илья Рен. Техник внешнего контура. Место подтверждено.

Илья коротко кивнул.

— А пассажиры? — спросила женщина за Наей. — Вы говорили, мест всего два.

— Именно поэтому я и говорю быстро, — ответила сотрудница. — Следующий.

Люди в очереди разошлись, освобождая проход. Неохотно, будто каждому хотелось оставить себе хотя бы право на вопрос. Ная подхватила контейнер, но сотрудница остановила её жестом.

— Сначала условия перелёта. Подписи. Потом багаж.

— С контейнером что будет? — спросила Ная. — Он входит в норму ручной клади или оформляется отдельно?

— В пассажирском отсеке допускается личный багаж до двенадцати килограммов. На научный груз есть отдельный лимит, но только после заключения биоконтроля.

— Какой режим поддерживает грузовой отсек?

— Температурный диапазон от четырёх до восьми градусов.

— А резервное питание?

Сотрудница впервые посмотрела на Наю внимательно.

— Вы получите полную спецификацию после посадки.

— Мне нужно знать до посадки. Если там один контур охлаждения, контейнер не полетит в грузовом отсеке.

— В пассажирском отсеке нет места для всего, что вы захотите взять.

— Я не спрашиваю, есть ли место. Я спрашиваю, есть ли резерв.

— Резерв есть, — вмешался Илья. — Два независимых контура, но второй не держит заданную температуру. Он предназначен для оборудования, а не для семян.

Ная повернулась к нему.

— Откуда вы знаете?

— Я проверял схему.

— Когда?

- Когда меня назначили техником на рейс.
- Значит, вы уже видели грузовой отсек?
- Нет. Схему видел. Отсек не трогал. Можете считать, что это разные виды знакомства. Сотрудница издала негромкий звук, который мог быть и смешком, и усталостью.
- Контейнер будет закреплён в пассажирском отсеке. Вес?
- Восемь килограммов четыреста граммов.
- Лимит — восемь.
- Тогда я сниму внешнюю оболочку. Она добавляет почти полкило.
- Без защитной оболочки контейнер не примут.
- Могу убрать личные вещи.
- Вы уже убрали личные вещи, — заметил Илья.

Ная посмотрела на него. Он показал подбородком на её пустую поясную сумку и на тонкую куртку, в кармане которой ничего не оттягивало ткань.

- Я оставила то, без чего можно обойтись, — сказала она.
- Я тоже, — ответил он. — Почти.
- Тогда ваши «почти» весят больше моих семян.
- Вероятно.

Сотрудница постучала по экрану.

— Груз оформляется отдельно. Для него будет отдельная фиксация. Личные вещи — не более двенадцати килограммов. У вас обоих до конца посадки четыре минуты. Подпишите согласие с ограничениями.

На экране появилось длинное предупреждение. Ная пролистала его до раздела о перевозке биологических материалов. Указанный режим хранения совпадал с необходимым, но пункт о возможном отключении резервного питания был сформулирован слишком расплывчато.

— Здесь написано: «При аварийном перераспределении энергии груз может быть отключён от вспомогательного контура», — сказала она. — Это означает, что первым отключат охлаждение?

- Приоритет — двигатели, навигация и воздух, — ответил Илья.
 - А после них?
 - Связь, внутренние системы, научный груз.
 - То есть да.
 - Если возникнет авария, это будет наименьшей из наших проблем.
 - Для вас, может быть. Для меня контейнер — единственное, что я везу.
- Илья взглянул на неё чуть дольше, чем требовал спор.
- Я понимаю.
 - Нет, не понимаете.

Он не стал возражать. На секунду в его лице проступило что-то упрямое и усталое. Потом он снова посмотрел на документ.

— Здесь ещё написано, что управление кораблём полностью автономное, — сказал он. — Но в спецификации есть ручной обход исполнительных механизмов. Кто имеет к нему доступ?

- Система выдаст инструкции, если потребуется.
- Это не ответ.
- Вопросы по техническому обслуживанию принимаются после посадки.
- А если неисправность случится до посадки?
- Тогда вам придётся задавать вопросы быстрее.
- Успокаивает.
- Мы стараемся.

Табло сменило цвет с жёлтого на оранжевый. Над посадочным рукавом загорелся сигнал готовности шлюза.

Илья положил на стойку свой браслет. Металл на его запястье был исцарапан, экран затёрт до мутной полосы. Сотрудница просканировала его и передала ему новый браслет — гладкий, белый, с тонкой голубой линией.

— Посадочный маршрут общий, — сказала она. — Вы оба закреплены за отсеком три-Б.

— Почему общий? — спросила Ная.

— Последние места на борту. Модули перераспределили под резервный план.

— Мы не подавали заявку на совместное размещение, — сказал Илья.

— Вы и не летите как совместные пассажиры. Но маршрут, аварийный протокол и отсек у вас общие.

— Это звучит как совместные пассажиры, — заметила Ная.

— Это звучит как два человека в одном модуле, — ответила сотрудница. — Разницу сможете обсудить на борту.

На браслете Наи мигнуло приглашение приложить ладонь к считывателю. Когда она коснулась экрана, голубая линия загорелась ярче. На запястье Ильи вспыхнул такой же свет.

— Маршрут синхронизирован, — произнёс терминал. — Пассажиры Ная Вей и Илья Рен. Отсек три-Б. Эвакуационная пара номер один.

— Нет, — сказала Ная.

Терминал не отреагировал.

— Я не соглашался быть чьей-то парой, — сказал Илья.

— Вы не соглашались на терминологию, — поправила сотрудница. — Вы соглашаетесь на перелёт.

Ная попыталась расстегнуть браслет. Замок не поддался.

— Он не снимается до прибытия, — пояснила сотрудница. — Для безопасности маршрута.

— Замечательно. Меня ещё не посадили на корабль, а уже связали с незнакомым человеком.

— Не буквально, — сказал Илья.

— Я заметила.

— Хорошо. Значит, техника безопасности работает.

Снова прозвучал сигнал. На табло осталось три минуты.

Сотрудница провела пальцем по экрану и открыла список дополнительных подтверждений.

— Перед посадкой вы должны подписать общий протокол чрезвычайных действий. Поскольку на борту нет штатного экипажа, пассажиры проходят парную подготовку по основным процедурам.

— Корабль автономный, — сказал Илья.

— Да.

— Автономный — не значит неуязвимый, — добавила сотрудница. — При сбое пассажирам придётся выполнять инструкции вручную.

Илья придвинулся к экрану. Ная открыла протокол. Текст был коротким, но плотным: при разгерметизации, отказе энергоконтура или потере связи каждый пассажир обязан следовать сигналам бортовой системы и координировать действия с напарником. Спор о последовательности действий, судя по формулировкам, оставлялся на усмотрение самих напарников.

— Здесь написано, что при аварийном отключении энергоснабжения пассажиры должны сохранить доступ к сервисному отсеку, — сказал Илья. — Но не написано, кто его открывает.

— Тот, кто ближе, — ответила сотрудница.

— А если он не знает код?

- Код появится на браслете.
- Если браслет не работает?
- Тогда вы используете аварийную панель.
- Если панель не работает?
- Тогда вы попробуете другой способ.
- У инструкции по эксплуатации обычно меньше оптимизма и больше схем, — сказал

Илья.

- Это упрощённый протокол для пассажиров.
- Я не пассажир. Я техник.
- После закрытия люка вы будете пассажиром с технической специализацией.
- Неудобное сочетание.
- Зато редкое.

Ная перечитала пункт о биологическом грузе. В случае аварии приоритет отдавался сохранению жизнеобеспечения, а затем оборудованию и пассажирским вещам. Слова были разумные. От этого они не становились легче.

— Если система направит вас к двигателям, — сказала она Илье, — а меня к контейнеру, что вы будете делать?

- Сначала проверю, есть ли у вас воздух.
- А потом?
- Потом посмотрю, сколько у нас времени.
- Если его будет мало?
- Вы хотите, чтобы я пообещал сохранить семена ценой корабля?
- Я хочу знать, как вы принимаете решения.
- По обстановке, — сказал он. — Не по тому, что красивее звучит в протоколе.
- Это честнее, чем обещания.

Илья слегка нахмурился, словно не ожидал, что она согласится.

— А вы? — спросил он. — Если придётся выбирать между контейнером и тем, чтобы помочь мне закрыть аварийный клапан?

— Если вы можете закрыть его сами, я буду спасать контейнер. Если не можете, пойду помогать вам. Семена не вырастут в открытом космосе.

— Хорошо.

— Не благодарите. Я просто не хочу, чтобы вы умерли рядом с моим грузом. Это усложнит отчётность.

— Вот теперь я чувствую себя нужным.

Сотрудница кашлянула.

— Кто хранит копию протокола?

— Я, — сказали Ная и Илья одновременно.

Они посмотрели друг на друга.

— У меня будет информация о хранении груза, — сказала Ная. — Я должна знать, какие действия могут повредить контейнер.

— А у меня будет техническая схема. Если в вашей копии окажется устаревшая версия, вы не должны руководить аварийными работами.

— Если в вашей копии окажется только техническая схема, вы можете решить, что груз не имеет значения.

— Я и так знаю, что у него есть значение.

— Знать и помнить в нужный момент — разные вещи.

— А держать бумагу в своей сумке — способ гарантировать, что я буду помнить?

— Это способ гарантировать, что хотя бы один экземпляр не окажется в техническом отсеке.

— А если ваша сумка останется в техническом отсеке?

— Тогда хотя бы один экземпляр окажется у меня.

— Вы оба можете прекратить спор? — спросила сотрудница. — Корабль отправится и без вашего согласия относительно бумаги.

— Тогда пусть оригинал останется в аварийном шкафу, — сказала Ная. — А цифровые копии будут на обоих браслетах.

— Оригинал в шкафу может заблокировать заклинивший люк, — возразил Илья. — Нужен ещё один бумажный экземпляр в пассажирском модуле.

— У вас есть бумага?

Илья достал из кармана сложенный листок с пятнами масла.

— Есть список заменённых деталей.

— Это не протокол.

— Я не сказал, что это протокол.

— И не будет им, — заключила сотрудница. — Подписываете цифровую версию, копии на браслетах. Бумажный оригинал останется в шкафу. Если захотите сделать бумажные копии, сделаете после взлёта.

— А кто отвечает за оригинал? — спросила Ная.

— Аварийная система.

— Система не расписалась.

— Система уже подписалась, — сказал Илья, указывая на нижний угол экрана. Там стоял цифровой знак корабельного ядра.

Ная провела пальцем по строке подтверждения.

— Если возникает авария, я следую процедурам по своему профилю и не вмешиваюсь в работу двигателей без вашего указания.

— А я не отключаю научный груз, пока не проверю, что другого способа нет.

— Если на проверку есть время.

— Если на неё нет времени, у нас проблема серьёзнее контейнера.

Они оба замолчали. Сигнал посадочного рукава стал громче и ниже, словно терминал переходил на последний способ уговорить оставшихся.

— Вы подпишете? — спросила сотрудница.

Илья первым приложил ладонь. На экране появилась его подпись.

Ная задержала руку над считывателем. Перед глазами на мгновение встала теплица на Орфее: влажное стекло, ржавые стеллажи, тёмные ящики, которые она не успела разобрать. Она вспомнила не все растения, а одно — маленький куст с узкими листьями, который пережил две зимы без нормального света. Его семян в контейнере не было. Она не могла взять всё. Не могла и делать вид, что выбранное — это всё уцелевшее.

— У вас осталось девяносто секунд, — напомнила сотрудница.

Ная приложила ладонь к экрану.

— Подписываю, — сказала она. — Не потому, что всё согласовано. Потому что правила должны быть ясными хотя бы настолько, чтобы спорить о них.

— Считаю это первым пунктом сотрудничества, — сказал Илья.

— Не торопитесь с выводами.

— Я и не тороплюсь. У нас девяносто секунд.

Сотрудница закрепила на контейнере пломбу, проверила маркировку и передала его Нае. Контейнер прошёл по весам ещё раз и загорелся зелёным сигналом.

— Груз принят. Личные вещи — в ручную кладь. Контейнер закрепите в модуле три-Б. Не открывать до завершения первичной проверки на борту.

— А если проверка покажет сбой охлаждения? — спросила Ная.

— На браслет придёт уведомление.

— А если уведомление не придёт?

— Тогда вы узнаете об этом по температуре.

— Надеюсь, у вас есть план на случай, если реальность не читала инструкции, — сказал Илья.

— Есть, — ответила сотрудница. — Вы оба летите.

Она провела их к посадочному рукаву. За прозрачной стеной виднелась «Ласточка» — короткий корабль с обгорелой защитной обшивкой и узкими крыльями стабилизаторов. В его названии не было ничего изящного: оно было выведено крупно на боку корпуса, белыми буквами на тёмном металле. «Мнемозина» значилась в документах как рейс, но корабль, который должен был доставить последних пассажиров с Орфея к Земле, назывался «Ласточка».

Он выглядел меньше, чем представлялся Нае по схемам. Слишком маленьким для долгого пути, для контейнера с семенами, для чужих голосов и всего, что они не сумели оставить позади. Но воздух вокруг него дрожал от работающих двигателей, и на экране у входа мигал статус: «Автономная система готова».

— Проверка технического доступа, — потребовал Илья у сопровождающего. — Запасной контур охлаждения, ручной обход, резервный источник питания.

— После посадки, — сказал тот.

— Вы все выучили одну фразу?

— Она короткая и обычно верная.

— А главный привод кто проверял?

— Система проверила.

Илья остановился.

— Система проверила сама себя?

— Система провела диагностику.

— Это не одно и то же.

— Илья, — сказала Ная.

Он повернулся к ней.

— Что?

— Мы уже на рукаве. Если вы сейчас остановите посадку, мой контейнер останется здесь.

— Я не остановлю.

— Тогда идём.

Он посмотрел на неё так, словно собирался возразить, но только кивнул.

На входе в корабль их браслеты снова синхронизировались. Голубые линии на запястьях совпали по ритму. Дверь открылась. Внутри пахло нагретой изоляцией, металлом и чистящим раствором. Из динамика раздался ровный голос бортовой системы:

— Добро пожаловать на борт. До автоматического закрытия люка — сорок секунд. Пассажирам проследовать в модуль три-Б и занять места.

— Аварийное руководство будет доступно в отсеке? — спросил Илья.

— Да.

— В полной технической версии?

— Пассажирская версия.

— Я так и думал.

Ная первой пронесла контейнер через люк. Отсек три-Б оказался узким, но аккуратным: два спальных места, один складной стол, ниша для ручной клади и прозрачная панель аварийного управления. На стене уже горели их имена. Браслет Наи снова завибрировал.

— Эвакуационная пара номер один. Совместное выполнение инструкций обязательно.

— Мы могли бы попросить систему выбрать менее тревожное название, — сказала Ная.

— Боюсь, она не принимает просьбы, — ответил Илья.

— Тогда придётся обходиться без её одобрения.

Он поставил сумку под нижнее спальное место. Ная закрепила контейнер в специальной нише и проверила фиксаторы. Один защёлкнулся со второго раза.

— Этот замок исправен? — спросил Илья.

— Теперь да.

— Уверенно.

— Я проверила его дважды.

— Дважды — это уже почти доверие.

— Не путайте привычку проверять с доверием.

— Не буду.

Люк закрылся. Металл глухо ударил о раму, и звук прошёл по отсеку, как черта под последней строкой. Корабельная система подтвердила герметизацию. На панели замигали зелёные полосы, затем поплыли цифры обратного отсчёта.

Ная села на край койки и положила ладонь на контейнер. Илья проверил закрепление сумки, затем принялся читать техническую памятку. Между ними оставалось меньше двух метров и множество вопросов, на которые нельзя было ответить по браслету.

— Если случится авария, — сказала Ная, — не командуйте мной так, будто я часть оборудования.

Илья поднял глаза от экрана.

— Если случится авария, я постараюсь быть вежливым.

— Постарайтесь быть точным.

— Это легче.

— Мне тоже.

Сирена сменила тон. Корабль начал движение, и спинка койки чуть прижалась к Наинной спине. На экране напротив обозначились две точки маршрута: Орфей позади, Земля впереди.

Илья убрал памятку.

— Готовы?

— Нет, — сказала Ная. — Но я лечу.

— Тогда этого достаточно.

Она посмотрела на него, но не ответила. Двигатели «Ласточки» набирали мощность. Их места были соединены одним маршрутом, общим аварийным протоколом и отсеком, который на несколько недель должен был стать для обоих единственным домом.

Доверия между ними ещё не было. Зато теперь у каждого имелась копия правил, у обоих — право задавать вопросы, а у корабля — две пары рук на случай, если автономности окажется недостаточно.

Два билета не превращали их в команду и не обещали, что путь будет лёгким. Они означали только одно: теперь им предстояло делить пространство, решения и последствия. Иногда именно так и начинается доверие — не с уверенности в другом, а с готовности продолжать общий маршрут.

«Ласточка» набирала ход, и впереди у них были недели в одном отсеке. На Землю они летели вместе; узнать, кто именно оказался рядом, им только предстояло.

Незнакомцы в одном отсеке

Когда ускорение наконец ослабло, я понял, что всё это время держал плечи у самых ушей.

«Ласточка» перестала давить на нас и перешла на ровный полёт. Вибрация стала тише, но не исчезла: корабль словно негромко напоминал, что покой здесь выдают порциями и только по расписанию.

Я отстегнул ремни. Один за другим они с сухим щелчком вернулись в гнёзда кресел. Ная тоже освободилась от фиксаторов и сразу потянулась к своему багажу.

Наш пассажирский отсек оказался примерно того размера, который можно было бы назвать просторным, если не планировать в нём жить. Два складных спальных места, узкий проход, шкаф для вещей и рабочий стол, вмонтированный в стену так, чтобы занимать как можно меньше места и раздражать как можно больше. Между нами проходила перегородка с выдвижной шторой. Штора была тонкой, а щели по краям — щедрыми.

— Добро пожаловать домой, — сказал я.

Ная посмотрела на меня.

— Это была шутка?

— Я надеялся.

— Тогда вам стоит продолжить тренировки.

Я кивнул, приняв замечание как первый пункт инструктажа. Потом взглянул на панель у двери. На ней зеленели строки: герметичность в норме, кислород в норме, связь с Землёй по расписанию, автономность систем — достаточная. Последняя формулировка мне не понравилась. «Достаточная» — слово, которым обычно описывают запас воды перед долгой засухой.

Ная выдвинула из-под нижней полки два контейнера и поставила их рядом. Пластиковые, одинакового размера, с потёртыми углами. На крышках были наклеены узкие полоски с буквами и цифрами. Она расставила их в определённом порядке: один ближе к стене, второй — поперёк, третий, поменьше, сверху. Затем придвинула к ним мягкий дорожный мешок.

Я не сразу понял, что смотрю не на багаж, а на систему.

— Вы их по схеме раскладываете? — спросил я.

— Да.

— Какой?

— Моей.

Ответ был произнесён без вызова. Просто в нём не оставили места для обсуждения.

У панели с техническим доступом стоял мой собственный кейс. Я присел, чтобы открыть его и проверить набор инструментов, но верхний контейнер Наи перекрывал крышку сервисного люка. До него можно было добраться, только переставив вещи.

— Простите, — сказал я. — Мне нужен доступ сюда.

— Можно подождать, пока я закончу.

— Конечно. Но я уже закончил ждать.

Она подняла на меня глаза.

Я сам услышал, как прозвучали эти слова. Резче, чем хотел. Ная придержала ладонью верхний контейнер, словно я уже потянулся к нему.

— Это моя зона хранения.

— Здесь нет отдельных зон.

Мы оба посмотрели на отсек. Он не стал больше от нашего взаимного наблюдения.

— Тогда давайте установим, где они будут, — сказала Ная.

— Я и пытаюсь.

— Нет. Вы пытаетесь получить доступ к панели. Это не одно и то же.

Она сняла контейнер с верхней крышки и подала мне. Я взял его, поставил рядом, затем отодвинул ещё два. Люк открылся. Для этого понадобилось меньше минуты, но в этой минуте я умудрился переставить все её вещи не по схеме.

Ная смотрела на них так, будто я передвинул не контейнеры, а стены её комнаты.

— Я верну, — сказал я.

— После проверки?

— Да.

— Вы знаете, куда что ставить?

Я не знал. Признаться в этом оказалось проще, чем сделать вид, будто порядок контейнеров был очевиден.

— Нет.

Она протянула руку к одному из них.

— Тогда я покажу.

Мы восстановили её расположение по пунктам. Маленький контейнер — сверху, потому что в нём вещи, которые нужны чаще. Два одинаковых — бок о бок, чтобы их можно было выдвигать независимо. Мягкий мешок — у перегородки, где он не мешал проходу. Я открыл люк и проверил защёлку. Панель была исправна, но один винт держался слабее остальных. Я записал номер детали в планшет.

Ная наблюдала за мной.

— Вы всегда записываете то, что можете запомнить?

— Особенно то, что можно забыть.

— Удобный принцип.

— Не всегда. Иногда записываю, а потом теряю запись.

Уголок её рта едва заметно дёрнулся. Это не было улыбкой, но для первой минуты совместного быта вполне годилось.

Когда я закончил, мы обнаружили, что между восстановленной схемой контейнеров и моим кейсом осталось ровно столько места, чтобы человек мог пройти боком, задержав дыхание.

— Значит, пройти можно, — сказал я.

— Если ни один из нас не вдохнёт.

— Я могу держать дыхание.

— А я могу подождать, пока вы посинеете.

Мы замолчали. Не потому, что обиделись, а потому, что шутка не выдержала проверку на прочность и умерла прямо между нами.

Я убрал кейс под своё спальное место. Оно находилось у противоположной стены и было отмечено маленькой синей полосой. Наиному спальному месту соответствовала белая. Шторка между ними закрывалась, но оставляла снизу просвет в ладонь. Приватность здесь предлагалась в форме декоративной услуги.

Вентиляция шумела над нашими головами. Не громко, но однообразно, как человек, который уже давно хочет что-то сказать и пока выбирает подходящий момент.

— Можно изменить температуру? — спросила Ная.

Я посмотрел на панель климат-контроля. Рядом с текущим показателем светилась кнопка настройки.

— Конечно.

Она нажала на экран и подняла температуру на два градуса.

— Мне холодно.

— Мне уже жарко.

— Вы сидите в куртке.

— Потому что куртка есть.

— Это слабый довод.

— Он хотя бы не требует менять настройки корабля.

Ная взглянула на меня тем же взглядом, которым смотрела на переставленные контейнеры. Не сердито. Скорее так, будто заносила ещё одну особенность в мысленный каталог.

Температуру мы выставили посередине. Ная сняла куртку, но оставила её на плечах. Я тоже не стал признавать, что мне стало комфортнее.

На экране планшета появился запрос: подтвердить порядок доступа к общему терминалу. Корабль, судя по всему, считал, что мы достаточно отдохнули после старта, чтобы приступить к управлению совместной жизнью.

— У нас один терминал? — спросила Ная.

— Один рабочий стол и один терминал.

— На двоих?

— В отсеке двое.

— Вопрос был не о численности населения.

Я открыл схему помещения. Рабочий стол складывался из стены и был настолько узким, что на нём помещался планшет, кружка или локоть. Два локтя — при условии, что один из владельцев не собирался пользоваться руками.

— Нужно расписание, — сказал я.

Ная взяла планшет из моих рук и открыла календарь.

— По времени?

— По времени и по необходимости.

— А если необходимость совпадёт?

— Тогда кому-то придётся подождать.

— Вы готовы уточнить, кому именно?

— Я готов выслушать аргументы.

— Уже лучше.

Она создала новую таблицу и назвала её «Терминал». Я не стал спрашивать, почему не «Общее расписание». Возможно, именно такая точность и удерживала контейнеры в нужном порядке.

Мы вписали утренние часы. Ная хотела работать с личными записями после завтрака. Я собирался проверять диагностику корабельных систем до утреннего сеанса связи. Она предложила разделить время на короткие отрезки. Я заметил, что тогда придётся постоянно прерываться и каждый раз заново входить в систему. Она ответила, что это лучше, чем ждать целый день. Я сказал, что ожидание иногда полезно. Она сказала, что, вероятно, это можно напечатать на стене и использовать вместо расписания.

Мы всё же договорились о чередовании. По нечётным дням терминал утром занимал я, по чётным — она. Вечер оставили свободным для связи с Землёй, ремонта и непредвиденных обстоятельств.

— А стол? — спросила Ная.

— Стол часть терминала.

— Нет. Стол — это поверхность. Терминал — оборудование. Я могу читать на столе, даже если вы работаете на панели.

— Теоретически.

— Практически тоже.

Мы внесли отдельные часы пользования столом. Я выбрал отрезок после ужина, чтобы проверить журнал полёта и записать замечания по панели. Ная потянулась к планшету и отметила то же время для себя.

Планшет коротко пискнул.

На экране загорелось предупреждение: «Конфликт расписания».

Мы оба посмотрели на строку.

— Совпало, — сказал я.

— Я заметила.

— Что именно вы планировали делать?

— Записывать.

— Что записывать?

— То, что хочу записать.

Ответ был справедливым и бесполезным.

— Я хотел внести данные о люке, — сказал я. — Но это можно сделать утром.

— А мне утром нужен терминал.

— После вашей записи?

— Если запись не займёт весь день.

Я облокотился на край стола, который ещё не был откинут. Ная не уступила ни минуты и не спросила, что именно я собирался внести. Мне показалось, что она защищает не время, а саму возможность распоряжаться хоть чем-то без согласования.

Потом я вспомнил, как сам переставил её контейнеры. Я не спросил, можно ли. Мне нужно было открыть панель, и я решил, что моя задача важнее её порядка. Возможно, она увидела в этом не просто неудобство. Возможно, я тоже увидел бы, если бы кто-то сдвинул мой кейс, пока всё остальное в мире уносилось от меня с прежней орбиты.

— Хорошо, — сказал я. — Давайте сначала выясним, что каждому действительно нужно. Потом поделим время.

Ная опустила взгляд на планшет.

— Мне нужно записать несколько вещей, пока они ещё помнятся точно.

Я не спросил, какие именно.

— Мне нужно внести наблюдения по кораблю, пока они свежие, — сказал я. — Это можно сделать в другое время, но не ночью.

— Тогда вы берёте стол после ужина сегодня. Я использую его утром завтра.

— А сегодня вечером?

— Сегодня вечером я хочу распаковать вещи и лечь спать.

— Разумный план.

— Не говорите так, будто это удивило вас.

— Я не говорил, что удивило.

Она посмотрела на экран.

— Планшет считает иначе.

Мы исправили расписание. Сегодня стол был мой до двадцати одного часа. Завтра утром — её. На следующий день мы менялись. Если одному из нас требовалось внести что-то срочно, следовало спросить, а не просто занять место. Если ответ был «не сейчас», нужно было назвать время, когда станет возможно. Простые правила. На Земле они выглядели бы избыточными. В отсеке, где до ближайшей стены можно было дотронуться не вставая, казались почти инженерным решением.

Потом мы разделили полки.

Верхняя оказалась моей, нижняя — Наи, средняя — общей, но только для предметов, которыми мы действительно пользовались оба. Я предложил пометить границу лентой. Ная сказала, что лента создаст ощущение, будто мы делим отсек государственную границу. Я ответил, что государственные границы обычно заметнее. Она попросила не шутить о границах, пока мы не выяснили, где хранится аптечка.

Аптечка нашлась в шкафу над умывальником. Там же лежали две складные кружки, пакет салфеток и инструкция по очистке фильтра. Ная вынула аптечку, а я проверил срок годности препаратов. Она молча подала мне фонарик. Я молча вернул его. Это был наш первый

совместный рабочий процесс, и он прошёл без споров, если не считать того, что я поставил фонарик не на ту полку.

К ночи мы устали от переговоров сильнее, чем от старта.

— Проверки систем ночью проводить будете? — спросила Ная, когда я потянулся к панели у двери.

— Да. Один раз перед сном и один раз по расписанию корабля.

— Во сколько?

— В ноль триста.

— Это три часа ночи.

— Я умею читать часы.

— Я спросила, будете ли вы меня будить.

Я посмотрел на шторку между спальными местами. Она не могла скрыть света экрана и вряд ли остановила бы звук защёлки.

— Если возникнет опасность, разбужу.

— А если вы просто проверяете показатели?

— Постараюсь не шуметь.

— Это не ответ.

Я убрал руку от панели.

— Вы правы. Я предупрежу заранее. Проверю дистанционно, если система позволит. Если придётся вставать, сначала скажу, что делаю.

— Даже если я сплю?

— Особенно если вы спите. Иначе вы проснётесь от звука и решите, что мы потеряли двигатель.

— А мы потеряем?

— Не сегодня.

Она выдохнула через нос. Возможно, это был смешок, но я не стал уточнять. Мы добавили в список правило ночных проверок: предупредить, объяснить действие, включать только ту подсветку, которая необходима. В ответ Ная согласилась не использовать терминал после отбоя без предупреждения. Если кому-то требовалось выйти к панели, другой не должен был внезапно обнаружить рядом с кроватью человека с инструментами.

— Удивительно, сколько времени можно потратить на договорённость о том, как не пугать друг друга ночью, — сказал я.

— Ещё удивительнее, что это не было прописано в инструкции.

— Может, разработчики рассчитывали, что пассажиры сразу поладят.

— Тогда они плохо изучали людей.

— Или слишком хорошо.

Ная выключила верхний свет. Отсек погрузился в мягкое дежурное освещение. Шум вентиляции стал заметнее. Я забрался на своё спальное место, которое оказалось короче, чем обещала схема. Ремень безопасности перекручивался у плеча. Я поправил его, снова застегнул, снова расстегнул и наконец понял, что перевернул лямку не той стороной.

За шторкой Ная тихо выдвинула ящик. Затем раздался стук: один из контейнеров сдвинулся с места.

— Всё в порядке? — спросил я.

— Да. Просто проверяю, не изменилась ли ваша система хранения за последние десять минут.

— Пока держится.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной.

Она не ответила, но я услышал, как ткань шторы слегка шевельнулась. Через узкий просвет между ней и полом падала полоска света. Я смотрел на неё, пока глаза не привыкли к темноте.

На планшете рядом с моим плечом оставался открытым общий график. Две строки времени, две фамилии, одна и та же маленькая поверхность. В календаре на завтра наши часы больше не пересекались. Контейнеры стояли на своих местах. Температура была компромиссной. Ночная проверка теперь имела порядок действий.

Это не означало, что мы стали командой. Мы по-прежнему почти ничего не знали друг о друге. Я не знал, почему Ная так тщательно раскладывает вещи. Она не знала, что я привык проверять каждую защёлку дважды, когда не могу проверить всё остальное. Но у нас появилась первая система, которую мы составили вместе.

Перед тем как выключить экран, я заметил на одном из её контейнеров выцветшую наклейку. Под слоями потёртой краски угадывалось название колонии. Ная уже закрыла глаза, или очень убедительно изображала сон. Я не стал спрашивать, что она привезла с собой и что оставила там.

Впервые за этот день мне показалось, что молчание может быть не пустым местом между людьми, а дверью, которую пока не нужно открывать силой.

Корабль продолжал свой путь к Земле. В нашем отсеке хватало места для двух пассажиров, если они не забывали договариваться. Для всего, что каждый из них нёс с собой, места могло оказаться меньше.

Что каждый оставляет позади

На четвёртой минуте после отбоя корабль предупредил нас о коррекции курса. Голос бортовой системы произнёс это так ровно, будто собирался поправить курс нашей жизни, а не сдвинуть груз на несколько сантиметров.

— Закрепите незакреплённые предметы. Время до включения тяги: четыре минуты.

Я отложил планшет и проверил защёлку на своей полке. Один раз. Потом ещё раз.

Ная стояла у нижнего отсека, прижимая ладонью крышку контейнера. Мы уже распределили полки, назначили время для умывания и договорились спрашивать, прежде чем переставлять чужие вещи. Казалось, система работала. До первого толчка.

— Я уберу этот ящик повыше, — сказал я.

Она взглянула на меня.

— Твой?

— Нет. Твой. Поэтому спрашиваю.

На секунду её лицо смягчилось.

— Можно. Только не этот серый футляр. Он хрупкий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.